

Томас-Симон Геллет

ФУМ-ХОАМ

Китайские сказки

1723

18+

Тома-Симон Гёллет Фум-Хоам

<https://litres.ru/74595437>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Фум-Хоам. Китайские сказки» Тома-Симона Гёллета — французская книга 1723 года о невероятных странствиях и превращениях. Мудрый мандарин сорок шесть вечеров рассказывает королеве о своих прежних жизнях, а за чередой приключений скрывается тайна самого рассказчика. В русский выпуск вошли оба первоначальных тома без сокращений, посвящение, авторские примечания и исторические приложения. Перевод сопровождают редакционные пояснения и новые цветные иллюстрации. Издание адресовано взрослому читателю.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Посвящение	8
Госпоже супруге первого председателя	8
Палаты косвенных сборов	
Часть первая	11
История Малекальсалема, короля Грузии	14
История султана Тонглука	19
Первый вечер	46
История мандарина Фум-Хоама	46
История индийского шарлатана и его собаки	51
Второй вечер	54
Продолжение истории индийского шарлатана и его собаки	54
Третий вечер	61
Продолжение истории индийского шарлатана и его собаки	61
История Масумы	66
Четвёртый вечер	69
Продолжение и окончание истории Масумы	69
Приключения имама Абзендеруда	73
Пятый вечер	81
Продолжение и окончание приключений имама Абзендеруда	81

История прекрасной Аль-Раульф	87
Шестой вечер	90
Продолжение и окончание истории прекрасной Аль-Раульф	90
История Йездад	93
Седьмой вечер	98
Продолжение и окончание истории Йездад	98
История Хушенга и Гюльбазы	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Томас-Симон Гёллет Фум-Хоам

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами «Удивительные приключения мандарина Фум-Хоама» — книга Тома-Симона Гёллета, вышедшая в Париже у Андре Морена в 1723 году. Подзаголовок «Китайские сказки» обещает далёкие страны и чудеса. Однако это французское авторское произведение: его Китай, Персия, Индия и Грузия принадлежат прежде всего воображению европейского рассказчика начала XVIII века.

При китайском дворе мандарин Фум-Хоам рассказывает молодой королеве Гюльшенраз о своих прежних существованиях. Он уверяет слушательницу, что помнит переселения собственной души: ему довелось быть мужчиной и женщиной, человеком и животным, свидетелем чужих тайн и участником невероятных приключений. Сорок шесть вечеров соединяют эти истории в одно повествование. Любовные испытания сменяются придворными интригами, комические обманы — опасными странствиями, а разгадка личности самого рассказчика отложена до конца.

В русском издании оба первоначальных тома собраны в

одну книгу с сохранением деления на две части. Переведены посвящение, весь повествовательный текст, авторские примечания, историческое оглавление второго тома, одобрение и привилегия. Последние документы позволяют увидеть книгу не только как собрание приключений, но и как издание своей эпохи. Сокращений и переработки для детей здесь нет.

Перевод выполнен по цифровым изображениям парижского издания 1723 года из собрания Государственной библиотеки в Берлине. Вспомогательное распознавание сверялось с изображениями в повреждённых и сомнительных местах; для отдельных разночтений привлекалось издание 1728 года. Весь русский текст прошёл последовательную редакционную вычитку. Написания имён по возможности приведены к единообразию; существенные расхождения самого оригинала сохранены и объяснены в редакционных комментариях. Примечания Гёллета отделены от современных пояснений.

Перед вами старинные французские сказки в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

Новые цветные иллюстрации предлагают художественное прочтение этой книги. Они не воспроизводят старинные гравюры и не служат документальной реконструкцией внешности героев, обрядов или костюмов. В рисунках выбраны разговоры, путешествия, дворцы, сады и волшебные явления; тяжёлые эпизоды текста не превращены в натуралистиче-

ские изображения.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Посвящение

Госпоже супруге первого председателя Палаты косвенных сборов

Сударыня!

Если я медлил поставить Ваше имя во главе этой книги, то лишь потому, что опасался: достойна ли она быть Вам поднесённой? Мне известно, сударыня, сколь обширны Ваши познания. Вы происходите от прославленных служителей правосудия¹ и состоите в браке с выдающимся магистратом², которого личные достоинства украшают ещё больше, нежели высокие чины его предков. Неудивительно поэтому, что в Вас соединилось столько природных и приобретённых качеств, которые Ваша скромность тщетно старается скрыть: они обнаруживаются вопреки Вашей воле, сударыня. Всем известно, что язык учёных столь же Вам привычен, как французский; что в лучших книгах Вы почерпнули знания, неведомые большинству дам; что эти знания побуждают Вас любить добродетель ради неё самой. И если бы у Ваших поступков не было свидетелей, если бы некому было поведать о них и наградой за них не служила слава, Вы всё

равно оставались бы верны благородным чувствам, внушённым Вам подлинно христианской философией.

Такую справедливость, сударыня, умеет воздать Вам общество, которое молва позаботилась осведомить о Ваших достоинствах. Именно поэтому, а также благодаря покровительству, которого удостоивает меня господин первый председатель, я осмеливаюсь поднести Вам «Китайские сказки». Среди множества приключений, одно другого необычнее и занимательнее, Вы увидите, до какой нелепости довели китайские философы свою религию и какими ребяческими вымыслами они занимают народ; какие несообразности заключены в предписаниях, оставленных Магометом своим последователям, и как велико ослепление и тех и других. Я по мере возможности сохранил их нравы и выражения и смею надеяться, сударыня, что нравственный смысл этой книги придётся Вам по вкусу, ибо порок в ней почти всегда наказан, а добродетель вознаграждена. Даже самые строгие люди порой снисходят до развлечений простых смертных, а совершенная мудрость вполне совместима с дозволенным и весёлым удовольствием. Вот что даёт мне надежду, сударыня, что Вы сообразоволяете обратить взор на это небольшое сочинение.

Что остаётся мне теперь сказать Вам, сударыня, кроме того, что то самое общество, которое с такой радостью приветствовало Ваш союз с прославленным супругом, желает, чтобы Вы подарили ему многочисленное потомство? Пусть благодаря Вам его имя продолжится в почтенном суде, до-

стойным главой которого он является; пусть от соединения двух столь уважаемых родов произойдут магистраты, которые некогда воплотят в себе все редкие качества своих предков. Таковы, сударыня, и личные пожелания

Вашего покорнейшего, преданнейшего и исполненного глубочайшего почтения слуги,
ГЁЛЛЕТА.

Примечания автора

1. Госпожа супруга первого председателя Палаты косвенных сборов — единственная дочь мессире Франсуа Ле Мэтра, почётного советника парламента, рыцаря, сеньора Персака и Больё и совладельца маркизата Феррьер. Он является потомком в шестом поколении по прямой линии мессире Жилия Ле Мэтра, первого председателя Парижского парламента при Генрихе II, чей дед Жан Ле Мэтр был генеральным адвокатом при Карле VIII в 1488 году.

2. Господин Ле Камю — третий первый председатель Палаты косвенных сборов, носящий эту фамилию. Из этого рода вышли три генеральных адвоката той же палаты, один гражданский лейтенант и один кардинал. Этот прелат и все магистраты его рода отличались глубокой учёностью, твёрдым благочестием, совершенной неподкупностью и неизменной преданностью интересам короля.

Часть первая

Тахи-Киа, первый визирь Тонглука, короля Ганнана³, отправил в Черкесию⁴ одного из своих племянников, по имени Холонжа, чтобы тот купил там самых красивых девушек, каких только сумеет найти. Молодой человек исполнил поручение с величайшим усердием. Можно было сказать, что ни один гарем на свете не заключал в себе столько красавиц, сколько корабль, на который он посадил в Бальсоре⁵ черкешенок, предназначенных его дядей в дар китайскому султану.

Холонжа пересёк часть Персии в обществе двух дервишей, с которыми по дороге завязал тесную дружбу. Одному было около шестидесяти лет; в его лице было столько величия, что нетрудно было догадаться: прежде чем избрать такую жизнь, он занимал весьма высокое положение. Другому, которого считали его племянником, было не больше шестнадцати. Черты его лица отличались таким совершенством, что сравнить его можно было лишь с теми пажами, которые, по словам Магомета, подносят после смерти добрым мусульманам понсир⁶.

Дервиши покинули свою обитель только ради того, чтобы обойти весь Восток, и потому с радостью приняли предложение Холонжи отвезти их в Китай. Корабль шёл на всех парусах, когда неподалёку от Камбейского залива⁷ на него

напали два корсарских судна из Аделя⁸. Хотя оба корабля значительно превосходили судно Холонжи, храбрый китаец сражался так доблестно и его люди так хорошо ему помогали, что корсары, потеряв лучших воинов, вынуждены были бежать.

Оба дервиша тоже не щадили себя в бою. Особенно много мужества проявил старик, и Холонжа, отчасти обязанный ему победой, радовался, что принял на борт столь храброго человека. Он как раз выражал ему свою признательность, когда заметил, что лицо племянника покрыла смертельная бледность, а одежда окрасилась кровью. Холонжа содрогнулся и, желая поскорее помочь раненому, резко разорвал его одеяние на груди. Каково же было его удивление, когда вместо юноши он обнаружил девушку несравненной красоты! К счастью, рана оказалась поверхностной, немного ниже горла. Старый дервиш уже не мог скрывать тайну, которой до тех пор ни с кем не делился. Остановив несильное кровотечение, он обратился к Холонже:

— Я считаю вас, сударь, достаточно великодушным человеком, чтобы вы не злоупотребили своим открытием. Раз случай позволил вам узнать, какого пола этот юный дервиш, я расскажу, кто мы. Я убеждён, что такое благородное сердце, как ваше, будет радо помочь государю, который в одно мгновение низвергся с высоты величия в бездну ничтожества.

История Малекальсалема, короля Грузии

— Я король Грузии⁹, и зовут меня Малекальсалем. Обыкновенно я жил в замке в области Гуриель, откуда открывался вид на побережье Чёрного моря. От всех султанш моего гарема у меня родилось лишь двое детей — сын и дочь от одной матери. Но радость, которую доставило мне рождение детей, вскоре омрачилась потерей юного Альроамата — так звали моего сына. Когда ему было два года, корсары похитили его вместе с кормилицей. Напрасно, сударь, я велел гнаться за ними: настичь их не удалось. Несколько часов спустя поднялась страшная буря и потопила почти все корабли, посланные мною вслед за юным принцем. Это заставило меня думать, что и он погиб в волнах.

Оплакав свою потерю, я решил удалиться с дочерью в Тифлис¹⁰, столицу моих владений. Принцесса, которую вы видите теперь в одежде дервиша, получила имя Гюльшенраз Гюндогди¹¹, потому что уже при рождении подавала величайшие надежды стать со временем совершенной красавицей. Я начинал стареть, оставлял заботы о королевстве своим визирям и большую часть дня проводил с дочерью. С величайшим удовольствием я убеждался, что в свои пятнадцать лет она не имела равных. Наконец я всерьёз задумался о выборе зятя, которому предстояло унаследовать мою корону.

Но тут судьба нанесла мне неожиданный удар: султан Битлиса¹² вторгся в мои владения с огромным войском. Этот государь, по имени Дильсенгин, то есть Каменное Сердце, не имел никаких оснований жаловаться на меня. Однако молва разнесла по всему Востоку славу о совершенствах Гюльшенраз. Дильсенгин был уверен, что, зная о его жестокости и дурном нраве, я не отдам ему дочь в жёны. Поэтому он избрал путь насилия: решил захватить мой престол и отнять у меня Гюльшенраз. Действуя как грозный завоеватель, он осуществил часть своих замыслов.

С горчайшей болью смотрел я, как Дильсенгин предаёт мои земли огню и мечу. Напрасно я выставил против него немногочисленные войска, которые удалось собрать после более чем десяти мирных лет: он истребил всех и пригрозил умертвить меня в самых страшных мучениях, если я не выдам ему Гюльшенраз. Признаюсь вам, сударь, отчаяние дочери ещё увеличило моё горе. С теми ничтожными силами, которые у меня оставались, я не счёл разумным дожидаться в Тифлисе этого несправедливого монарха. Я взял с собой столько золота и драгоценностей, сколько смог. Мы с Гюльшенраз переоделись дервишами и ночью покинули мой дворец и мои владения. Пройдя вместе с вами часть Персии, мы наконец добрались до Бальсорского залива и сели на ваш корабль. Судите сами, сударь: раз мы решились ехать с вами до самого Китая, осталась ли у нас хоть малейшая надежда когда-нибудь вернуться в Грузию? И разве наши несчастья не

погубили бы нас, если бы мы не сумели обуздать отчаяние, овладевшее нами в первые дни скитаний и бегства?

Холонжа с изумлением слушал о бедствиях грузинского султана. Попросив у принцессы прощения за свою нескромность, он предложил ей и Малекальсалеу всё, что было в его власти, и заверил обоих, что никогда не выдаст их тайны.

— Государь, — прибавил он, — позвольте мне, желая облегчить вашу печаль, напомнить, что величайшие бедствия нередко соседствуют с величайшим счастьем. Именно это испытал наш августейший султан всего четыре года назад: из самого несчастного положения он вознёсся на китайский престол, которому, казалось, суждено было видеть его лишь у своего подножия. Если рассказ о столь необыкновенной судьбе способен облегчить вашу скорбь, я с удовольствием поведаю его вам.

— Ах, непременно! — ответила Гюльшенраз. — Вы окажете нам величайшую услугу.

— Что ж, — продолжал Холонжа, — я исполню ваше желание.

Примечания автора

3. Королевство Ганнан включает Лаос, Тункин и Кохинхину. Великий завоеватель Хиаоус из рода Хана покорил все эти страны и, поселив там колонистов, стал управлять ими по китайским установлениям и законам, так что они вошли

в состав Китая. Тонглюк был одним из потомков этого завоевателя и избрал своей резиденцией Тункин. Эти королевства простираются приблизительно на сто семьдесят лье с востока на запад и на сто двадцать с юга на север.

4. Черкесию ограничивают на юге Понт Эвксинский и Кавказские горы, отделяющие её от Грузии, на севере — река Дон, или Танаис, на востоке — Каспийское море, а на западе — пролив Каффы. Нет в мире народа красивее и стройнее жителей Черкесии; там ведётся большая торговля невольниками.

5. Бальсора — большой город на краю Пустынной Аравии, при слиянии Евфрата и Тигра, в двенадцати лье от Персидского залива, который поэтому называют также Бальсорским.

6. Понсир — разновидность лимона, который пажи совершенной красоты поднесут на золотом блюде мусульманам, в точности соблюдавшим закон Магомета, когда те окажутся в обещанном им раю. Тотчас перед ними явится гурия, то есть юная дева, в объятиях которой они проведут пятьдесят лет.

7. Город Камбей расположен в устье Инда; он весьма многолюден и ведёт большую торговлю. Залив носит то же имя.

8. Адель — королевство в Новой Аравии; его столица носит то же имя.

9. Грузия, или Гургистан, названа так по имени своего покровителя святого Георгия. Эта страна расположена между Чёрным морем, Черкесией, Команией, Московией, земля-

ми дагестанских татар, провинцией Ширван и Туркоманией. Области Гуриель, Имеретия и Мегрелия составляют Колхиду, родину Медеи. По всей Грузии мужчины и женщины отличаются редкой красотой.

10. Тифлис прежде назывался Артаксатой.

11. Гюндогди по-персидски означает зарю, или рождение дня.

12. Этот город — древняя Тигранокерта; он расположен в горах между Диарбеком, Грузией, Малой Азией и Персией.

История султана Тонглука

Султан Эум-Ву, правивший в Ганнанае, умер, не оставив сыновей. Тогда явился один бонза¹³ и, объявив народу, что он ближайший родственник покойного короля, потребовал передать ему корону. В совете нашлись противники этого решения; несколько мандаринов мудро предостерегали, что человек, с ранней юности отрешившийся от мирских забот, едва ли способен управлять государством и что голова, привыкшая склоняться во прах, не сумеет достойно нести бремя короны. Несмотря на эти возражения, бонзу избрали королём Ганнана под восторженные крики всего народа.

Едва новый монарх занял престол, как правитель острова Киум-чеу приготовился оспорить у него корону. Он приходился Эум-Ву родственником на одну степень ближе и представил неопровержимые доказательства. Однако новый король уже привык к блеску своего положения и не счёл нужным отречься. Напротив, он отдал столь точные распоряжения, что его соперника задержали в двадцати лье от Тункина, куда тот двигался с небольшим войском, намереваясь отстаивать свои права. Король решил заточить его по обычаю, принятому у китайцев в подобных случаях.

Когда мятежника берут под стражу, король выходит ему навстречу и велит подать золотой таз и кувшин. Арестованный должен поставить их себе на голову и пешком доне-

сти до места заключения. Темница эта — подземная пещера, вырытая под самым тронном царствующего государя. Каждый день в ней открывают отверстие и подают узнику пищу. Так продолжается шесть месяцев, причём никто не заботится узнать, жив он или умер; затем пещеру замуровывают навсегда.

Следуя этому обычаю, наш монарх ехал навстречу сопернику, намереваясь поступить с ним именно так. По дороге он увлёкся охотой и продолжал её почти до полудня. Жара заставила его искать тени и отдыха. Он прилёг на траву в небольшой роще и, желая уснуть, прикрыл лицо красным шёлковым платком, чтобы уберечься от насекомых. Из почтения к нему главные придворные отошли на двадцать или тридцать шагов.

Государь мирно отдыхал, когда случилось страшное несчастье. Хищная птица, чьё гнездо находилось как раз на дереве, под которым лежал король, приняла красный платок за кусок сырого мяса. Она бросилась на него с такой яростью, что своим крепким острым клювом и когтями выколола ему оба глаза.

Услышав крики ганнанского султана, перепуганные придворные прибежали к нему. Но бедствие, которое должно было пробудить в них сострадание, в то же мгновение вызвало совершенно иное чувство. Решив, что потерявший зрение государь больше не способен царствовать, они немедленно задумали отдать корону тому, кого везли к нему пленником: ведь и тот происходил из королевского рода. Они взяли золотой таз и кувшин, поставили их на голову несчастному монарху и в таком виде повели его пешком к Тонглуку — так, государь, звали его соперника, которого они возвели на престол.

Новый монарх, поражённый столь внезапной переменой

своей судьбы, ещё минуту назад грозившей ему крайней опасностью, предался мудрым размышлениям о непрочно-сти всего земного.

— О небо! — воскликнул он. — Неужели за столь короткое время я мог побывать в столь различных положениях? Один из наших поэтов справедливо сказал: кто роет колодец, чтобы столкнуть туда врага, нередко сам разверзает бездну, в которой найдёт могилу. Несчастный бонза, — продолжал он, — ваша участь глубоко меня трогает. Не бойтесь за свою жизнь: вы не попадёте в ужасную темницу, которую готовили для меня. Я постараюсь, насколько возможно, облегчить горечь ваших бед. Вы вольны остаться при моём дворе или поселиться в любом месте моих владений, какое вам понравится; ежегодно вам будут выдавать сто тысяч золотых.

— Ах, великодушный Тонглюк! — воскликнул бонза, падая к ногам нового султана. — Как ясно вы доказываете, что достойнее меня занять престол! Прельстившись блеском короны, которой хотел вас лишить, я обрекал вас на самую несправедливую и жестокую смерть, а вы даруете мне жизнь, которой я не заслуживаю! Более того — осыпаете меня благодеяниями. Ах, государь, вот чувства истинного монарха!

Тонглюк обнял бонзу и заверил его в своей искренней дружбе. Он взошёл на престол, по праву принадлежавший ему и по рождению, и по тому примеру умеренности, который только что явил. С тех пор вот уже почти четыре года он царствует к полному довольству всех китайцев.

— Как счастлив этот государь! — воскликнул Малекальсalem. — И как достойно восхищения его милосердие!

— Потому-то весь народ нежно любит его, — ответил Холонжа. — Если нас что-нибудь и печалит, то лишь одно: среди всех султанш, которых до сих пор помещали в его сераль, ни одна не сумела тронуть его сердце. Если он и впредь останется столь бесчувственным, мы никогда не увидим, как его потомки будут царствовать над нашими детьми. Поэтому Тахи-Киа, брат моего отца и первый визирь султана, послал меня в Черкесию. Но как ни прекрасны редкостные красавицы, которых я везу в Китай, боюсь, что добился не большего успеха, чем другие, получавшие такие поручения.

Предсказание сбылось. Напрасно Холонжа старался соединить прелести искусства с прелестями природы и украшал девушек, привезённых им в Тункин, всем, что могло ещё ярче оттенить их красоту. Тонглюк взглянул на всех с таким равнодушием, что привёл его в отчаяние.

Малекальсalem и грузинская принцесса согласились поселиться в Тункине у Холонжи. Молодой человек всячески заботился о них, стараясь рассеять неотступную печаль своих гостей, однако и сам не мог побороть огорчения оттого, что оказался не удачливее других. Он так трогательно говорил об этом королю и Гюльшенраз, что принцесса наконец

сказала:

— Вас не должна удивлять холодность вашего повелителя. На его месте я поступала бы так же. Такое равнодушие свойственно поистине благородному сердцу, вовсе не связанному к чувственным наслаждениям. Каждая из красавиц, которых ему представляют, почла бы за честь удостоиться его милости. Им нужен монарх, а не Тонглюк. Лишите этого государя хотя бы на миг всего его величия — быть может, к нему самому они испытают лишь презрение. Он видит их сердца насквозь и знает, что только честолюбие заставляет их мечтать разделить с ним ложе. Но найдите женщину, которая мало дорожит престолом, ослепляющим других, искренне отвергает ухаживания монарха и смотрит на него как на простого человека, — и вы пробудите в нём все чувства, которых он ещё не знает.

— Ах, госпожа, как верны ваши рассуждения! — ответил Холонжа. — Но где найти такую необыкновенную женщину?

— Она перед вами, — продолжала Гюльшенраз. — Престол, возле которого я выросла, приучил меня к почтению и покорности, неведомым девушкам, купленным вами в Черкесии. Будь я достаточно красива, чтобы привлечь внимание вашего султана, то, какими бы достоинствами он ни обладал, я дала бы ему почувствовать разницу между такой принцессой, как я, и невольницей и показала бы, насколько чувства одной возвышеннее чувств другой. Благородная гордость внушает уважение к нашему полу; напротив, уступ-

чивость и торопливая готовность почти всех восточных женщин навлекают на них заслуженное презрение. Быть может, вам кажется, что я слишком много знаю для своего возраста. Но моя мать, принцесса, чья царственная кровь возвышала её сердце над сердцами других женщин, так рано запечатлела в моей памяти эти наставления, что они навсегда останутся в ней.

Малекальсalem слушал дочь с восхищением.

— И в самом деле, — воскликнул он, — ни одна из султанш моего сераля не нашла пути к моему сердцу, подобно прекрасной Абадан-Сиру, матери Альроамата и Гюльшенраз. Скромность, сдержанность, стыдливость — всё пленяло меня в этой обожаемой принцессе. С той жестокой минуты, когда я навсегда её потерял, жизнь постоянно тяготит меня.

— Оставим печальные и мучительные мысли, — подхватил Холонжа. — Государь, я вполне понимаю основательность доводов Гюльшенраз, но осуществить её совет весьма трудно. Принцессы не всегда так прекрасны, как в Грузии, а проникнуть в их покои нелегко. Наши монархи не желают рисковать, женись на женщине, чьи достоинства, быть может, не соответствуют их представлению о красоте. Поэтому они предпочитают довольствоваться невольницами, которые им беспрекословно подчиняются и чью любовь мужское самолюбие позволяет считать совершенной.

Поговорив ещё на эту тему, Холонжа удалился в свои по-

кои. Если что-нибудь и могло утешить его в неудаче, то лишь то, что два других работорговца представили китайскому султану множество необыкновенно красивых девушек, но они взволновали его не больше, чем черкешенки, за которыми Холонжа ездил с такими трудами и заботами.

Король Грузии и принцесса прожили у Холонжи около месяца. Он старался угодить им всевозможными знаками внимания и почтения. Однажды он попросил позволения представить им своего брата, который только что вернулся из долгого путешествия, привезя огромное богатство. Малекальсalem был слишком обязан Холонже, чтобы отказать ему в этой милости. Гюльшенраз, хотя ей и не хотелось показываться постороннему в женской одежде, которую она вновь надела по прибытии в Китай, тоже согласилась его принять.

После первых любезностей, которыми обмениваются люди знатные, все сели за стол. Узумкей — так звали брата Холонжи — выказал столько ума и живости, что не раз привлекал к себе взгляды принцессы. Но если Гюльшенраз и смотрела на него с некоторым вниманием, то он был до того поражён её прелестным лицом и так глубоко оценил тонкость её ума, что чуть не признался ей в любви тут же. Его удерживало присутствие Малекальсалема, который уже снял одежду дервиша и о котором Холонжа сказал ему, что это отец прекрасной девушки. Удерживала его и благородная гордость, определявшая каждый её поступок. Он решил дожидаться более удобного случая и надеялся, что почтительность его обращения сама откроет ей чувства, наполнявшие его сердце.

Узумкей неизменно приходил к брату в часы трапезы и с каждым разом открывал новые прелести в той, к кому устремлялись все его желания. Однажды, не в силах сдержать порыва, он воскликнул:

— Какое счастье, дорогой брат, что китайский султан не знает о сокровище, которое хранится в этом доме! Лёд его сердца скоро растаял бы под лучами прекрасных глаз вашей очаровательной гостьи, а я умер бы от горя. Но я теряю голову, — продолжал он. — Простите, прекрасная Гюльшенраз, этот невольный порыв и не оскорбляйтесь столь стремительным признанием. Как бы ни была сильна моя страсть, почтение к вам всегда удержит её в должных пределах.

Принцесса покраснела. Некоторое время тайная склон-

ность к Узумкею боролась в ней с гордостью, направлявшей все её поступки. Потом она поспешно поднялась и, глядя на него с гневом, сказала:

— Узумкей, вы не знаете, кто я. Пора открыть вам, какое расстояние нас разделяет. Король Грузии, которого вы видите перед собой, — мой отец. Судите сами, равны ли мы по положению. Опомнитесь и больше не преступайте границ почтения, которым вы мне обязаны, если не хотите, чтобы я немедленно покинула дом вашего брата.

— Вы — грузинская принцесса! — воскликнул Узумкей. — О небо! Что я сейчас узнал и какие страдания мне предстоят! Прекрасная Гюльшенраз, отчего я не султан Тонглюк, чтобы предложить вам достойное вас сердце!

— От этого вы не стали бы милее моим глазам, — сдержанно ответила принцесса. — Блеск престола меня не ослепляет. Как бы ни был могуществен китайский монарх, он имел бы не больше прав на моё сердце, чем любой другой, если бы я не чувствовала к нему того тайного влечения, без которого отец обещал не распоряжаться моей рукой. Скажу вам даже больше, чтобы облегчить печаль, которую вижу в ваших глазах, — и скажу, не краснея. С первого дня нашей встречи я почувствовала к вам нечто большее, чем уважение. Мне хотелось, чтобы вы родились принцем и имели достаточно мужества вернуть моего отца на грузинский престол, которого нас вероломно лишил предатель Дильсенгин, король Битлиса. Я предпочла бы вас всем монархам мира, а согласие отца,

любящего вас, утвердило бы мой выбор. Но эти речи бесполезны: я выросла у престола и только на престоле могу отдать своё сердце.

Узумкей бросился к ногам Гюльшенраз.

— Госпожа, — сказал он, — теперь я понимаю дерзость своей любви. Я употреблю все силы, чтобы её победить, и никогда больше не заговорю с вами о страсти, которая вас оскорбляет.

Он удалился в глубоком смущении. Холонжа тысячу раз просил у Малекальсалема и принцессы прощения за нескромность брата. Несчастный влюблённый больше восьми дней не смел показываться перед Гюльшенраз. Наконец она прямо повелела ему прийти. Он предстал перед нею таким робким и опечаленным, что король сжалился и велел дочери ободрить его несколькими знаками благосклонности.

— Узумкей, — сказала она, — верните себе прежнюю весёлость. Я забываю нанесённую мне обиду. Прошу вас, будем обращаться друг с другом так же непринуждённо, как прежде, пока нашу радость не нарушило признание в страсти, на которую я не могу и не должна отвечать.

Узумкей повиновался и вернулся к прежнему образу жизни. К величайшему своему удовольствию он заметил, что Гюльшенраз читает любовь в его глазах и, по-видимому, не оскорбляется этим.

Уже пять месяцев он ежедневно виделся с принцессой, когда однажды вечером вошёл в её покои и обратился к Мале-

кальсалеми:

— Государь, за вас отомщено. Дильсенгина больше нет, и верные подданные ждут вас с величайшим нетерпением. Вот письмо ваших визирей; а чтобы вы окончательно убедились, взгляните на голову короля Битлиса, которую я принёс в этой корзине.

Каково же было изумление Малекальсалема и Гюльшенраз! Ещё окровавленная голова врага и письмо, подписанное всеми грузинскими визирями, не позволяли усомниться в увиденном.

— Каким волшебством, — воскликнули они, — удалось вам совершить то, что кажется совершенно невозможным?

— Для страстного желания послужить прекраснейшей принцессе на земле нет ничего невозможного, — скромно ответил Узумкей. — Госпожа, вы можете отправиться с отцом в Грузию, когда пожелаете; я доставлю вас туда меньше чем за четыре часа.

— Меньше чем за четыре часа? — переспросила принцесса. — Ах, сударь, как ни хочется мне вернуться в Тифлис, в такое путешествие я не пущусь! Оно кажется мне слишком сверхъестественным и опасным. Мы с отцом лучше поедem обычной дорогой, чем станем так рисковать жизнью.

— Ваша жизнь не подвергнется ни малейшей опасности, — продолжал Узумкей. — Когда вы узнаете, каким образом я отомстил за вас, то перестанете бояться того способа передвижения, который доставит вас в Тифлис. Но ужин уже

готов, и мой брат, желая выразить радость по случаю вашего возвращения на престол, хочет сегодня нас угостить. После трапезы я расскажу, как совершились все эти чудеса.

Малекальсалем и принцесса перешли в покои, где был приготовлен ужин. Там их ждали самые изысканные блюда, в особенности фаршированный молочный поросёнок¹⁴; всё было подано с величайшей опрятностью. Они сели за стол и предались совершенной радости.

— Как же я вам обязан! — то и дело восклицал король Грузии. — Нет, дорогой Узумкей, я не могу достойно отблагодарить вас. Только Гюльшенраз способна уплатить мой долг. Правда, вы не родились принцем; но разве от нас зависит наше рождение? Истинное благородство состоит в добродетели и прекрасных поступках, а не в веренице предков, которых мы нередко бесчестим недостойными делами. Как был бы я счастлив, если бы моя дочь согласилась избрать вас супругом! Ах, если ей непременно нужен престол, я уступаю вам свой и почту за счастье стать первым вашим подданным.

Видя, что Гюльшенраз не противится намерениям отца, Узумкей пал к её ногам.

— Подтвердите, обожаемая принцесса, — сказал он, — подтвердите волю Малекальсалема! Но пусть это не стоит ему престола: я скорее откажусь от счастья обладать моей королевой, чем лишу этого монарха его прав.

Глубоко смущённая принцесса поднимала своего возлюбленного, не мешая ему обнимать её колени и целовать ру-

ку, а Малекальсalem трогательно ласкал их обоих. Вдруг в передней раздался сильный шум. Двери с силой распахнулись, и в комнату разом ворвались более тридцати чернокожих невольников с поднятыми саблями. Во главе их шёл молодой человек лет тридцати, прекраснее которого невозможно было вообразить.

— Вероломный Холонжа! — вскричал он. — Так-то ты поступаешь со своим повелителем? Представляешь мне невольниц, которых забраквала вся Черкесия, а себе оставляешь красавицу, перед которой померкли бы гурии! Я на-учу тебя так надо мной издеваться!

Эти слова, произнесённые с неудержимым гневом, и смятение Холонжи и Узумкея дали Гюльшенраз понять, что столь властно может говорить только Тонглюк.

— Король Китая, — с гордостью сказала она, — женщин моего положения не принято представлять таким, как ты, в качестве невольниц. Их руки просят через послов. Я — принцесса Грузии, а перед тобой султан Малекальсalem, мой отец. Вероломный узурпатор вынудил нас покинуть наши владения. С той минуты судьба, казалось, обрекла нас на самые страшные бедствия; теперь же она вновь благоприятствует нам. Милый Узумкей исправил её прихоти и вернул нам престол, захваченный Дильсенгином, королём Битлиса. Ты знаешь, как государю надлежит обращаться с равными себе. Поэтому окажи нам почтение, подобающее нашему сану, и прости Холонжу за то, что он не сообщил тебе о нашем пребывании в его доме. Это я запретила ему говорить: ведь мой вид лишь усилил бы отвращение, которое ты питаешь ко всему нашему полу.

— Ах, госпожа! — воскликнул китайский султан. — Как несправедливы вы к своим прекрасным глазам! Неужели вы не знаете их силы и считаете их неспособными тронуть моё сердце? Да, обожаемая принцесса, только вы могли рассеять холод, окружавший его! Вы родились, чтобы творить чудеса. Но что я вижу? Вы меняетесь в лице; моя любовь стесняет вас. Узумкей, милый Узумкей — именно так вы сейчас его назвали, — которого я видел у ваших ног, сумел вам понра-

виться!

— Государь, — прервал его Малекальсalem, — с болью вижу я вашу любовь. Но мы столь многим обязаны Узумкею, что я мог отблагодарить его, только отдав ему Гюльшенраз в жёны.

— О небо! — воскликнул Тонглук. — Неужели прекрасная Гюльшенраз предпочтёт простого человека монарху Китая?

— Да, государь, — твёрдо ответила принцесса. — Я любила Узумкея, хотя он и не знал об этом, ещё прежде, чем он вернул нам престол. С тех пор он положил к нашим ногам голову врага. Этой услугой он приобрёл власть над моим сердцем, и мой отец одобряет её. С этой минуты я считаю его своим супругом, и все силы земли не способны заставить меня изменить решение. Впрочем, государь, — продолжала принцесса уже тише, — я весьма досадую на себя за то, что нарушила ваше холодное спокойствие. Найдётся немало других женщин, готовых занять место, на которое я не притязаю. Ваш час всё-таки пробил; и если вы действительно полюбили меня, как уверяет ваше величество, то скоро привяжетесь к какой-нибудь прекрасной султанше, которая ответит на вашу нежность благосклоннее меня.

— Что скажет счастливый Узумкей о столь благородных и лестных чувствах? — продолжал султан Китая.

— Скажу, — ответил нежный влюблённый, бросаясь к ногам принцессы, — что моё счастье превосходит все надеж-

ды. Наконец я нашёл то, чего искал так долго: бескорыстное сердце, которое любит во мне лишь меня самого.

— Но, обожаемая Гюльшенраз, пора открыть вам, кто я. Простите мне эту невинную хитрость, благодаря которой я могу быть уверен в вашем сердце. Перед вами, под именем Узумкея, настоящий король Китая. Тот, кто сейчас так хорошо сыграл его роль, — лишь его подобие. Теперь я знаю вашу душу: я обязан вашей любовью вовсе не своему сану. Простой влюблённый добился признания в страсти, перед которой пришлось отступить монарху. Я получил согласие вашего отца. За вас отомстили Дильсенгину с помощью одного из моих мандаринов¹⁵, перед которым природа не скрывает ни одной тайны. Повелитель стихий, он властвует над населяющими их гениями столь безраздельно, что они трепещут при звуке его голоса. Чего же вам желать после признания, которое вы только что сделали мне? Идёмте, дорогая принцесса, взойдите на престол, где вы составите счастье короля Ганнана и станете предметом восхищения всего Китая.

Малекальсalem и Гюльшенраз были так поражены подобной развязкой, что словно окаменели. Ложный монарх по приказу Тонглука удалился со свитой, а Холонжа подтвердил правдивость всего сказанного и, пав к ногам грузинской принцессы, попросил прощения за эту маленькую измену. Она подняла его и подала ему руку для поцелуя.

— Как! — воскликнула она. — В Узумкее я нахожу сул-

тана, который повелевает этой страной? Не обман ли это? Неужели всё, что только что произошло, мне лишь приснилось?

— Нет, госпожа, — ответил влюблённый султан. — Совершенно несомненно одно: от вас зависит счастье короля Китая. Холонжа возбудил моё любопытство, рассказав о прекрасной чужестранке, живущей у него в доме, чьё сердце, по его словам, было так же бесчувственно, как моё. Несколько раз я видел вас в разных переодеваниях. Чтобы лучше узнать ваши чувства, я выдал себя за брата Холонжи. Эти чувства лишь умножили уважение и любовь, которые вы внушили мне с первого взгляда; вы, должно быть, заметили это. И каково же было моё изумление, когда я узнал, что вы — принцесса Грузии! До той поры Холонжа скрывал это от меня. Желая отомстить за вас предателю Дильсенгину, я обратился к прославленному Фум-Хоаму, тому мандарину закона, о котором только что говорил. Меньше чем за три часа он перенёс меня в Тифлис. С его помощью я проник в спальню узурпатора, разбудил его с саблей в руке и вызвал на поединок. Трус прибег к самым постыдным мольбам. Я не счёл нужным щадить злодея и лишил его жизни. Фум-Хоам собрал главных ваших визирей, и я показал им голову врага. Я упрекнул их в слабости: как могли они признать этого предателя своим государем? При виде головы они разразились радостными криками. Тогда я велел перебить его любимцев и всех, кто не пожелал признать законного короля.

Наконец, став полновластным хозяином Тифлиса, я назначил двух главных визирей управлять государством до возвращения вашего отца. Получив от них письмо, которое передал ему, я с быстротой молнии отправился обратно вместе с Фум-Хоамом и так же скоро привёз в Тункин голову вашего врага. Вот на что побудила меня любовь к вам. Неужели эта любовь не будет вознаграждена вашим сердцем? Неужели вы ещё станете медлить, уступая нежным просьбам государя, который вас обожает?

Каждая подробность рассказа китайского султана усиливала изумление Малекальсалема и Гюльшенраз.

— Государь, — ответила она, краснея, — я люблю вас; после признания, которое только что сделала, скрывать это уже поздно. Но моя вера выше моей любви. Вы идолопоклонник, а я мусульманка. Вы поклоняетесь множеству чудовищ; один их ужасный вид должен был бы заставить вас отказаться от этого поклонения. Я знаю лишь единого Бога, чей посланник и великий пророк — Магомет. Вы верите в переселение душ из одного тела в другое: это одно из главных положений вашего учителя Шакабу¹⁶, которое я считаю нелепым и смешным. Таковы мои убеждения, государь. Судите сами, можем ли мы соединиться вечными узами, если вы не поклянётесь самой нерушимой клятвой, что в Тункине я смогу свободно исполнять все обряды моей веры.

— Ах, госпожа! — воскликнул Тонглук. — Клянусь своей головой! Пусть она послужит мишенью для стрел самых

жестоких моих врагов, если я когда-нибудь вздумаю стеснять вашу веру. Но я надеюсь, что вы не всегда будете столь непреклонны и что прославленный Фум-Хоам со всей очевидностью покажет вам ваше заблуждение. Он уверил меня, что вскоре китайцы и грузины станут поклоняться одному божеству. Если же ему не удастся исполнить обещанное, я клянусь той же клятвой не только принять вашу сторону и признать вашего Магомета истинным посланником Бога, но и разрушить все пагоды в моей державе, а изваяния, которым мы поклоняемся, попать ногами.

— Полагаясь на это обещание, я ваша, государь, — ответила Гюльшенраз. — Вот моя рука.

Вне себя от радости Тонглук повёл свою невесту во дворец между рядами воинов, каждый из которых держал в руке факел из душистого воска. Фум-Хоам и другие мандарины тотчас совершили брачный обряд. Прекрасные супруги проводили Малекальсалема в роскошные покои, после чего удалились к себе и легли в постель.

Первые дни они посвятили наслаждениям, которые обыкновенно следуют за браком по любви. Затем королева вспомнила о мандарине.

— Государь, — сказала она султану, — вы обещали привести ко мне Фум-Хоама. Почему же больше о нём не говорите?

— Он ждёт ваших приказаний, прекрасная моя королева, — ответил Тонглюк. — Пусть за ним сходят.

Через четверть часа мандарин явился. Отдав обоим султанам и королеве подобающее почтение, он получил приказание сесть на груды бархатных подушек.

— Прославленный и мудрый Фум-Хоам, — сказала ему Гюльшенраз, — человек, которому я столь многим обязана и который столь необыкновенным способом вернул моего отца на престол, мог достичь такой мудрости и могущества лишь после весьма необычных приключений. Признаюсь, мне очень любопытно услышать о них из ваших уст.

— Удовлетворить вас весьма легко, госпожа, — ответил мандарин. — Но прежде я должен предупредить ваше величество: я сильно сомневаюсь, что вы поверите тому, что я буду иметь честь рассказать. Знаю, что вы столь предубеждены против начал нашей религии, что сочтёте сказками истины, на которых она целиком основана. Однако, раз вы желаете узнать главные события, в которых я участвовал, вам следует иметь в виду: наша душа подобна хамелеону. Переходя в различные тела, она получает различные впечатления и под-

чиняется всем страстям того тела, в котором пребывает. Вот что вам следует любезно допустить, госпожа, как бы ни противились вы этому, если хотите услышать довольно удивительные истории, которые убедят вас в правоте моих слов. Я появлялся во всех частях света, принимая самые несходные обличья; следовательно, принадлежал к самым разным религиям и бывал существом того и другого пола. Особая способность позволила мне доныне сохранить воспоминания о главных событиях, которые происходили у меня на глазах или в которых я принимал участие.

— Это должно быть весьма любопытно, — со смехом ответила Гюльшенраз. — Начинайте же. Обещаю слушать вас с величайшим удовольствием и не донимать возражениями, которые могли бы вас смутить. Я отложу все свои сомнения до тех пор, пока вы не закончите всё, что намерены поведать, и не достигнете состояния мандарина, в чьём облике предстаёте передо мной теперь. Поскольку рассказ, по всей вероятности, окажется довольно долгим, я буду уделять ему каждый вечер время между прогулкой и ужином, которое предназначала для музыки и концертов.

Принцесса замолчала, давая понять, что ждёт рассказа Фум-Хоама, и почтенный мандарин начал так.

Примечания автора

13. Бонзы — служители китайской религии. Они выстав-

ляют напоказ своё строгое целомудрие и удивительное воздержание. У них есть разные училища, где они обучают таинствам своих сект; живут они общинами.

14. В Китае свинина считается изысканным кушаньем.

15. В Китае насчитывают девять разрядов мандаринов, каждый разряд подразделяется на две степени с особыми отличительными знаками. Однако в сущности мандарины бывают лишь трёх видов: первые — правители провинций; вторые — военные мандарины, командующие войсками; третьи — мандарины закона, или учёности, отправляющие правосудие.

16. Шакабу — имя отшельника, учившего метемпсихозу, то есть переселению душ из одного тела в другое. Он обещал бесконечное блаженство тем, кто будет соблюдать его закон, и уверял, что принявшие этот закон, но не следовавшие ему в точности, будут в течение трёх тысяч лет переходить из тела в тело, прежде чем попадут в обитель блаженных. Шакабу распространил свою секту по всему Сиамскому королевству, по части Японии, а оттуда — в Тункин, где и умер.

Первый вечер

История мандарина Фум-Хоама

— Госпожа, я не могу без некоторого ужаса вспоминать первые свои приключения. В тот миг, когда я покинул небесную сферу, чтобы сойти на землю, я одушевил несчастного младенца, который впоследствии стал чудовищем жестокости. Я родился в Персии под именем Пиурасб. Мой отец, бедный пастух, оставил мне совсем мало добра. Но я так преуспел в своих кознях, что сумел приблизиться к Сиамеку, одному из ваших царей-Пишдадидов¹⁷, и достиг почестей и высших санов. Непомерная роскошь, среди которой я жил, казалось бы, должна была внушить мне некоторое презрение к почестям; однако жажда властвовать настолько овладела моей душой, что ради её утоления я отбросил все угрызения совести. Будучи любимцем Сиамека, я мог приближаться к нему в любое время дня. Мне наскучило пресмыкаться перед ним: я безжалостно убил его и затем без труда завладел престолом. На троне я совершил столько преступлений, что вскоре меня стали считать отвратительным тираном. Не было насилия и несправедливости, которых я бы не творил, и не было новой казни, которую я не изобрёл бы, чтобы умерщвлять противившихся моей воле.

Но небо, утомлённое, без сомнения, зрелищем стольких преступлений, решило смирить меня жесточайшими болезнями. Крайняя распущенность, которой я предавался с ранней юности, вызвала в моих внутренностях такое гниение, что ещё живым я стал пищей самых мерзких тварей, и никакие средства не могли меня от них избавить. Всё моё тело превратилось в одну огромную язву. Я умер после самых долгих и ужасных мучений, оставив Персии страшный пример божественного правосудия.

Но теперь, госпожа, — продолжал Фум-Хоам, — послушайте о превращении, удивительном своей необычностью. Едва моя душа покинула тело жестокого персидского царя, как оказалась заключена в теле блохи.

Хотя такая перемена и унизила меня, некоторое время я всё же находил утешение в том, что не был лишён человеческой крови, которой прежде так жаждал. Вскоре мне даже представился случай предаться в этом крошечном теле необыкновенным порывам мести.

Когда я был Пиурасбом, мой сераль был полон прекраснейших девушек всего Востока. Их охраняли невольники, которых один мой взгляд заставлял дрожать от страха. Едва я умер, как та из моих жён, которую я любил сильнее всех и которую считал искренне отвечавшей на мою нежность, безбоязненно последовала велениям своего сердца. Она безумно любила молодого перса, работавшего в моих садах и притворявшегося помешанным, чтобы его впускали туда без опасе-

ний. Она привела его в свою спальню и отвела ему место, которое обыкновенно занимал я.

Вы не сможете удержаться от смеха, госпожа, когда я скажу вам, что в своём крошечном тельце я готов был лопнуть от бешенства, слыша насмешки любимой султанши надо мной, проклятия, которыми она осыпала мою память, и восторги, с которыми принимала ласки возлюбленного. В ярости я бросился на прекраснейшее тело во всей Персии и тысячью укусов исколол его до крови. Гнев мой с каждой минутой усиливался и наконец так ослепил меня, что я сам попал в пальцы неверной султанши, где вскоре и нашёл смерть.

— Ах, ах! — со смехом воскликнула Гюльшенраз. — Какое забавное, смешное приключение! И что же стало потом с душой, которая ныне занимает тело прославленного Фум-Хоама?

— Вы шутите, госпожа, — ответил мандарин. — Я хорошо знал, что развязка этой истории заставит вас забыть о серьёзности. Но хотя вы и принимаете её за сказку, она от этого не перестаёт быть правдой.

История индийского шарлатана и его собаки

— Покинув тело этого насекомого, — продолжал Фум-Хоам, — я перешёл в тело маленькой собачки, принадлежавшей шарлатану по имени Калем, который тогда находился в Арракане¹⁸. Моя сметливость не уступала человеческому уму. Я был необыкновенно красив и удивительно послушен; каждый хотел меня купить, но шарлатан назначал такую высокую цену, что никто не соглашался заплатить требуемую сумму.

Во всём Арракане только и говорили о моих проделках. Слухи о них возбудили любопытство одной очень богатой и хорошенькой вдовы, и она велела позвать моего хозяина. Едва войдя к ней, он был так ослеплён блеском её живых глаз, что изменил свои намерения на мой счёт. Дериаи — так звали вдову — сначала пришла в восторг от моего маленького облика, а когда увидела все мои упражнения, очаровалась ещё сильнее.

— За сколько вы продадите мне этого зверька? — спросила она Калема.

— Госпожа, — ответил он, — он больше не продаётся: отныне он ваш. Но с одним условием, которое вы, боюсь, не примете. Я не мог видеть такую красоту и остаться к ней равнодушным. Я люблю вас, госпожа. Хотя здесь меня и счита-

ют шарлатаном, я происхожу из знатного рода. Ответьте на мою нежность и позвольте мне стать счастливым рядом с вами: вот цена, которую я назначаю за свою собаку.

Это предложение так удивило Дериаи, что она пришла в сильнейший гнев.

— Кто бы ты ни был, — сказала она, — прочь с глаз моих! Иначе я позову невольников и велю забить тебя до смерти.

— Не советовал бы вам этого, госпожа, — ответил мой хозяин. — Ваши угрозы мало меня страшат: я сумел бы быстро отразить нападение ваших невольников.

Возмущённая такими речами, прекрасная вдова вызвала невольников и приказала избить Калема. Но стоило ему дунуть на них порошком, вынутым из коробочки из кокосовой скорлупы, как они, вместо того чтобы напасть на него, с такой яростью набросились друг на друга, что вскоре попадали наземь словно мёртвые.

Тогда Калем обратился к Дериаи:

— Теперь вы знаете часть моих тайн. Я оставляю вас, госпожа, в вашем изумлении. Поразмыслите о почтительной страсти, которую я к вам питаю. Через четыре дня я явлюсь к вашей двери со своей собакой и надеюсь, что вы примете меня благосклоннее, чем сегодня.

Мандарин Фум-Хоам собирался продолжить рассказ, когда королеве доложили, что ужин подан.

— Ах, как досадно! — сказала она. — Я умираю от желания узнать, как прекрасная вдова встретила шарлатана.

— Ваше величество узнает это завтра, — ответил мандарин. — Я непременно буду в назначенный час у дверей вашего кабинета, госпожа.

— Прошу вас об этом, — прибавила она. — Вы не можете доставить мне большего удовольствия.

Она поднялась, чтобы сесть за стол вместе со своим супругом-султаном и королём Грузии, а Фум-Хоам удалился к себе.

Примечания автора

17. Пишдад — персидское слово, означающее «справедливый судья». Это было прозвание и титул Хушенга, второго царя первой династии, правившей в Персии; от него её государи получили название Пишдадиян, или Пишдадидов. Если верить персам, эта первая царская династия — величайшая в мире: она включает всех царей, составляющих монархии ассирийцев, халдеев, вавилонян, мидян и персов. Сиамек был сыном Кайумаррата, которому историки приписывают тысячу лет жизни. Некоторые не причисляют Сиамека к царям, утверждая, что он умер раньше отца; другие уверяют, что он царствовал после него.

18. Столица одноимённого королевства на реке Мартабан, в Индии по ту сторону Ганга.

Второй вечер

Продолжение истории индийского шарлатана и его собаки

На следующий день китайская королева, вернувшись с прогулки, нашла мандарина, который её ожидал. Она велела ему пройти в кабинет, и, когда все заняли свои места, он продолжил рассказ:

— Удалившись, мой хозяин оставил прекрасную вдову в величайшем изумлении. Молодость Калема, его приятная наружность и безукоризненная опрятность не раз приходили ей на память. Мои маленькие проделки занимали её мысли непрерывно, и наступления четвёртого дня она ждала с большим нетерпением. По её приказу нас ввели в спальню. Мой хозяин прежде всего передал меня ей в руки, а затем упал перед нею на колени.

— Прекрасная Дериаи, — сказал он, — умоляю вас, забудьте оскорбление, которое я нанёс вам в прошлый раз. Я был вынужден так поступить, чтобы избежать последствий вашего гнева. Но если оскорбить вас — значит признаться в любви, то я сознаюсь: сегодня я в тысячу раз виновнее, чем при первом посещении. Впрочем, госпожа, я предлагаю вам

сердце, достойное вас. Я сын визиря голкондского короля. Отец, у которого нет других детей, захотел женить меня против моей воли. Я бежал от союза, который внушал мне крайнее отвращение. Его угрозы заставили меня покинуть Голконду с полным кошельком золота, который я у него похитил. Два года я странствовал по Индии и части Персии. Я сошёлся с самым искусным шарлатаном на Востоке, приобрёл его доверие, и он не утаил от меня ни одного секрета. Узнав, что мой отец умер, я вместе с ним отправился обратно в Голконду¹⁹. Но в Бантане²⁰ мне выпало несчастье его потерять: он погиб от пожара, и все его знания не могли уберечь его от этой беды. Он поехал ужинать в загородный дом одного вельможи и предался там излишествам. Часть ночи они провели за столом; вино ударило им в голову, и они заснули в пиршественном зале. Невольники последовали примеру господина. Один из них по пьяному делу устроил пожар в служебной комнате возле зала, и все задохнулись прежде, чем им успели помочь. Его смерть причинила мне несравненное горе. Я забрал все его снадобья и книгу с тайнами и приехал в Арракан, намереваясь пробыть здесь совсем недолго. Забавы моей собаки возбудили ваше любопытство, вы велели позвать меня к себе, и с той минуты я совершенно потерял свободу. Станьте моей супругой, прекрасная Дериаи, не откладывайте счастья самого влюблённого из людей. Поедемте в Голконду и разделите со мной несметное богатство, оставленное мне покойным отцом-визирем.

Мой хозяин, — продолжал Фум-Хоам, — произнёс эти слова с такой страстью, что Дериаи уступила. Она дала ему обет верности и приняла его обет. Вскоре я увидел, как они поздравляют друг друга со счастьем принадлежать один другому. Условившись о том, как чаще видеться, Калем удалился и оставил меня своей новой супруге. Скоро я полюбил её сильнее, чем можно вообразить.

В самом деле, никого не было милее её. В глазах, казавшихся яснее и ярче двух звёзд, непрестанно порхала любовь. Волшебная прелесть была разлита во всех её поступках. Смех, самые обыкновенные слова, малейшие движения, вздохи, жалобы — всё, вплоть до её пренебрежения, обладало очарованием, которое проникало прямо в сердце. Судите же, госпожа, должен ли был Калем считать себя счастливым, обладая столь прелестной супругой.

Ревность всегда зорка. Молодой индийский вельможа, сильно влюблённый в мою новую хозяйку, скоро заметил частые посещения Калема и заговорил с Дериаи о нём довольно презрительно. Она обошлась с вельможей сурово, и, вне себя от досады, отвергнутый влюблённый распустил по всему кварталу слухи, весьма оскорбительные для её доброго имени. Они скоро дошли до неё, и она предалась безмерно-му горю.

У неё были причины не объявлять о своём браке. Не прошло ещё и двух месяцев, как она овдовела, и такое признание покрыло бы её бесчестьем: её упрекнули бы в невоздержанности. Напрасно Калем предлагал уехать в Голконду. Она не хотела наносить такой ущерб своей репутации и попросила его на несколько дней покинуть Арракан, чтобы развеять оскорбительные слухи. Он с величайшим трудом подчинился столь жестокому приказанию и сделал вид, будто отправляется в Персию.

Тем временем Дериаи, погружённая в горчайшую печаль, искала способ примирить требования своей любви с заботой о добром имени. Она невыносимо тосковала, не видя Калема. Однажды ей вспомнилось, что я прекрасно понимаю все её желания и даже нередко передаю их невольникам. Слёзы её полились ещё сильнее. Она нежно поцеловала меня и сказала:

— Ах, если бы боги позволили тебе сейчас привести сюда моего дорогого супруга, как ты по малейшему моему знаку

приводил невольников! Как же я была бы тебе благодарна!

Едва Дериаи окончила эти слова, госпожа, как я спрыгнул с её колен и поспешно сбежал по лестнице. Судьба так благоприятствовала мне, что, выбравшись на улицу через отверстие в стене, служившее для стока воды, я встретил Калема, переодетого старухой. Его наружность изменилась до того, что без моего необыкновенно тонкого чутья я никогда не смог бы его узнать. Я прыгнул ему на руки и стал всячески ласкаться.

Нежный супруг воспользовался этим предложением, чтобы войти в дом. Он постучал в дверь и велел доложить Дериаи, что пришла бедная старушка из соседей, которая нашла на улице её собаку и принесла обратно. Дериаи без труда узнала Калема под одеждой старухи, тем более что, пожалав ему руку, увидела слёзы в его глазах. Она отослала невольников и провела целый час в его объятиях, почти не в силах произнести ни слова от переполнявших её радости и горя. Затем она объявила домашним, что лучше всего отблагодарит добрую женщину за оказанную услугу, если оставит её при себе присматривать за невольниками.

Итак, Калем остался с Дериаи и безмятежно наслаждался любовью одной из прекраснейших женщин Индии, пока самое странное происшествие внезапно не положило конец его счастью.

Примечания автора

19. Большой город на полуострове, «между Гангом».

20. Приморский город, славящийся торговлей. Он расположен в западной части Явы, возле Зондского пролива, напротив острова Суматра.

Третий вечер

Продолжение истории индийского шарлатана и его собаки

Калем и его дорогая супруга были так упоены счастьем, что думали только друг о друге. Столь внезапный переход от печали к радости сильно взволновал мою хозяйку. У неё началась горячка. Четыре или пять дней Калем провёл у её изголовья; обо мне совершенно забыли и даже не давали мне воды.

Обычно я спал с молодой невольницей Дериаи, к которой очень привязался. По моему лаю и жалобам она не поняла, что меня мучит страшная жажда. Вместо воды она дала мне сладости, приправленные амброй, которые я очень любил. Они ещё усилили жар, сжигавший мои внутренности. Наконец он стал так невыносим, что какая-то неведомая сила понудила меня укусить девушку за бедро. То ли стыдливость помешала ей показать рану, то ли она не считала её столь опасной, как та была на самом деле, но девушка никому ничего не сказала. Переданный мною яд успел так глубоко проникнуть в её тело, что едва Дериаи начала оправляться от горячки, как у невольницы появились признаки, явно свиде-

тельствовавшие о бешенстве.

Тогда по моему отвращению к воде обнаружили причину её болезни. Сомнения исчезли окончательно, когда увидели, как я с глазами, сверкающими яростью, нападаю на всех невольников в доме и гоняюсь за ними без лая, разинув пасть, покрытую пеной.

Моя дорогая хозяйка пришла в отчаяние, видя меня в таком состоянии и вынужденная приказать задушить молодую девушку. Предстоявшая потеря была для неё вдвойне тяжела. Помимо нежности, которую она питала ко мне, я служил ей сторожем у дверей спальни, когда она запиралась там с супругом. Лаем я предупреждал о приближении невольников, и застать её врасплох было невозможно, пока я так усердно охранял её безопасность.

Судите же, госпожа, с каким глубоким горем она решилась приказать бросить меня в реку. Приказ был ловко исполнен: меня схватили, привязали к шее камень и отнесли к реке Мартабан. Дериаи заливалась слезами, вспоминая мои маленькие проделки. Калем старался нежнейшими ласками рассеять её печаль, когда два брата её покойного мужа неожиданно вошли в покои. Положение, в котором они застали её с Калемом, не позволило им поверить, что мнимая старуха — женщина. Они заподозрили Дериаи в распутстве и, сочтя себя вполне убеждёнными в оскорблении, которое она наносит памяти их брата, бросились на неё и на Калема, которого она обнимала, и пронзили обоих двадцатью удара-

ми кинжала.

Пока разыгрывалась эта кровавая и жестокая сцена, я бился в реке. Мне удалось перегрызть верёвку, привязывавшую меня к камню, который увлёк меня на дно. Я всплыл на поверхность; сильный холод воды ослабил моё бешенство. Почувствовав, что освободился от пожиравшего меня жара, я побежал обратно к дому Дериаи.

Каково же было моё потрясение, когда, войдя, я увидел повсюду одну лишь кровь и ужас! Убийцы Калема и моей дорогой хозяйки всё ещё находились в доме. Я бросился на них и кусал, где только мог достать. Будь мои силы равны моей ярости, я растерзал бы их. Узнав, что я болен, они прибегли к обычным средствам лечения. Но то ли наши боги пожелали покарать их за зверскую жестокость, то ли во мне ещё оставалась частица бешенства — вскоре они умерли в таких неистовых припадках, что терзали собственные тела зубами.

А я, госпожа, предался отчаянию и выражал его таким страшным воем, что вызывал слёзы у всех присутствующих. Я бросился на тела несчастных супругов, невинной причиной смерти которых стал: ведь будь я в своём обычном состоянии, не позволил бы застать их врасплох. Я лизал их раны, отказывался от всякой пищи и вскоре умер от горя у их ног. Меня сожгли вместе с ними на одном костре.

— Ах, милая собачка! — сказала тогда королева Ганнана. — Как мне жаль тебя и этих несчастных супругов! Но, мудрый Фум-Хоам, верно, вы были счастливее в теле, которое одушевили после этого?

— Ненамного, госпожа, — ответил мандарин.

История Масумы

Покинув Индию, я перешёл в тело девушки из Биснагара²¹. Я родилась от родителей, славившихся и знатностью предков, и несметным богатством. Меня называли Масумой. Когда мне исполнилось семнадцать лет, отец, у которого не было других детей, приложил все старания, чтобы найти мне достойного мужа.

Я вовсе не была красавицей; напротив, была даже немного увечна. Однако это не помешало одному из самых статных биснагарских вельмож, чья храбрость равнялась доблести первых героев Индии, попросить моей руки. У меня было много ума. Это достоинство возмещало недостатки наружности, и мы полюбили друг друга с безграничной страстью, которую обладание не погасило.

Не прошло и шести месяцев после нашей свадьбы, как между королями Биснагара и Нарсинга²² разгорелась жестокая война. Мансур — так звали моего супруга — поспешил на помощь своему государю. Он командовал одним из главных отрядов его армии и, как грозный воитель, разбивал всё, что противостояло его доблести, решительно склоняя победу на нашу сторону. Но затем, увлёкшись безрассудным пылом, он прорвался в самую гущу вражеского войска. Все бежали перед тяжестью его ударов. Его воины не успели за ним, и враги, устыдившись того, что терпят такой урон от

одного человека, повернули назад и окружили его. Напрасно они, уважая его храбрость, кричали, чтобы он сдался. На их великодушные Мансур отвечал лишь мощными ударами сабли. Бросаясь на них словно лев, он защищался до последнего вздоха и, пронзённый тысячей ударов, умер на груди поверженных врагов. Даже те, кто довёл его до такого конца, завидовали его участи.

Случись гибель моего супруга в начале сражения, всё приняло бы иной оборот. Но счастье уже решило исход битвы в пользу короля Биснагара. Слишком дорогой ценой купил он победу: он только что потерял опору своего престола. После сражения наши воины нашли тело моего мужа; в его глазах ещё читалась ярость. Таким они принесли его ко мне.

Ах, госпожа, в ту минуту я была настолько потрясена, что едва могла издать жалобный звук или пролить хоть слезу. Смертельная пелена застлала мои глаза, и я впала в столь долгий обморок, что меня с величайшим трудом вернули к жизни, ставшей мне ненавистной.

Рвать на себе одежды, царапать лицо и грудь, вырывать волосы — всё это было лишь слабейшим выражением моей жестокой скорби. Чтобы ещё усилить её, я велела набальзамировать тело супруга драгоценнейшими благовониями и положить его на роскошное ложе. День и ночь, не зная отдыха, я изъясляла ему искреннейшую нежность, обильно орошая его своими слезами.

Не прошло и восьми дней такой печальной жизни, как од-

на добрая вдова, из чьей комнаты был виден мой дом, однажды утром, задыхаясь, прибежала к моему отцу.

— Сударь, — сказала она, — до сих пор ваша дочь слыла образцом супружеской добродетели. Пойдёмте, посмотрите, как она в одно мгновение отрекается от славы, которую, как мы думали, заслужила по праву! Сейчас она находится в объятиях нового любовника, утешающего её после потери храброго и прославленного Мансура.

Примечания автора

21. Город у подножия гор Гат, которые разделяют это королевство между королями Голконды и Визапура.

22. Большой город близ Бенгальского залива, на Коромандельском берегу.

Четвёртый вечер

Продолжение и окончание истории Масумы

Мой отец, — продолжал Фум-Хоам, — был ошеломлён вестью, столь мало соответствовавшей чувствам, которые я до сих пор выказывала. Поддавшись настойчивым увещаниям этой женщины, он схватил кинжал и вместе с ней проник в мою спальню. Каково же было его изумление, когда он не нашёл там иного предмета моей нежности, кроме тела дорогого супруга! Я покрывала тысячью поцелуев его прекрасные уста, которые смерть уже лишила самых живых красок. Именно эти ласки и увидела соседка. Не постаравшись как следует понять их причину и доверившись лишь своему ненадёжному зрению, она побежала известить отца о бесчестии, которое я будто бы навлекала на его семью.

Старик едва не снёс голову нескромной соседке; только бегство спасло её от его гнева. Он рассказал мне, что привело его ко мне, и, сжалившись над моим ужасным состоянием, не нашёл лучшего средства облегчить скорбь, чем убрать с моих глаз её причину. Несмотря на мои настойчивые мольбы, по приказу биснагарского короля он велел воздвигнуть пе-

ред моим домом великолепный погребальный костёр и приготовился, согласно обычаю страны, обратить тело моего супруга в пепел.

Вот-вот я должна была лишиться дорогого предмета моей нежности, которого смерть так жестоко отняла у меня. Я издавала рёв, подобный рёву львицы, потерявшей детёнышей. И в тот миг, когда разжигали погребальный костёр, я поднялась на террасу своего дома, смело бросилась сквозь пламя и нашла утешение в том, что умерла, обнимая дорогого Мансура.

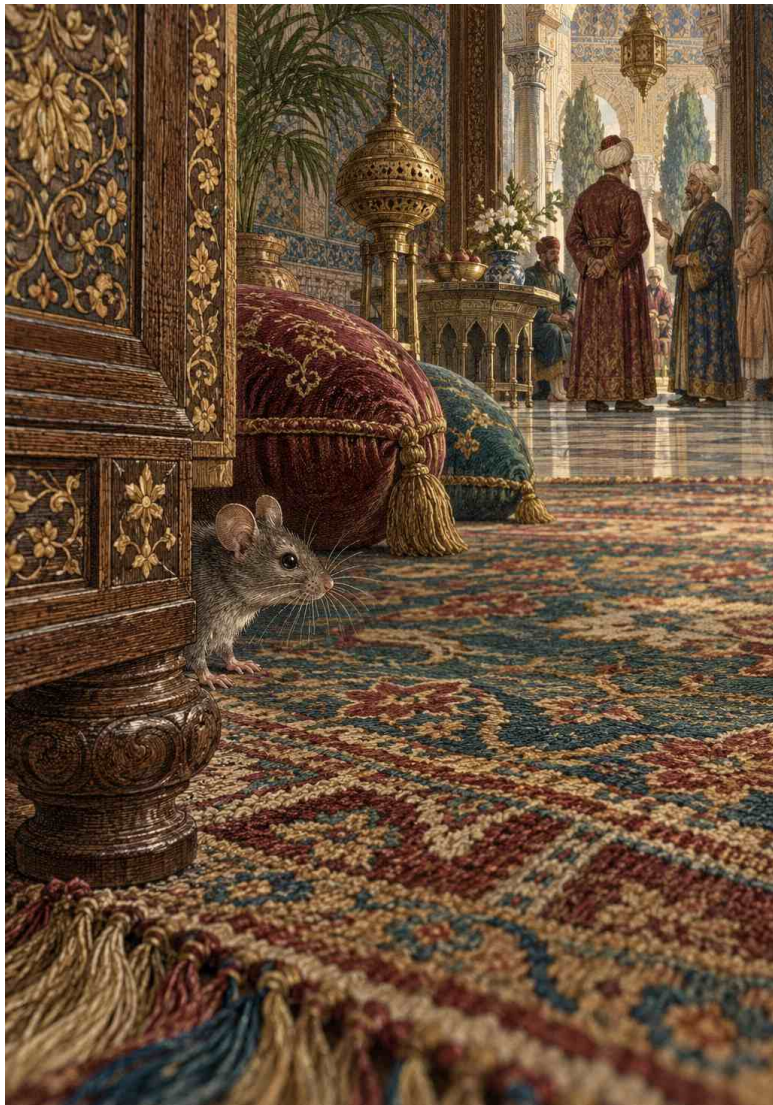
Едва я покинул тело этой добродетельной индийки, как последовательно перешёл в несколько других, в которых со мной не случилось ничего необычного. Я был пчелой, сверчком и мышью.

— О, сколько же тайн вы должны были увидеть в последнем обличье! — заметила Гюльшенраз.

— Госпожа, — продолжал мандарин, — попытаться рассказать обо всех плутнях, которые я видел или слышал в этом обличье, значило бы пытаться достичь дна бездны. Сколько девушек я видел, которые носили это имя лишь по названию и предавались крайнему распутству! Сколько вдов тайно вышли замуж или жили невоздержанно! Сколько стариков своими безумными поступками впадали в детство! Сколько богачей из-за разврата оказались в последней нищете! Сколько нищих богатство сделало наглыми! Сколько лицемеров я мог бы разоблачить, если бы владел речью!

Сколько кади на моих глазах торговали правосудием! Сколько бонз, дервишей и календеров, скрывавшихся под личиной умерщвления плоти и благочестия, оказались отъявленными злодеями! Ведь, госпожа, не было ни двора, ни комнаты, ни дворца, ни совета, ни покоев, запертых так надёжно, чтобы я не мог туда проникнуть. Ничто не ускользало от взгляда, который видел всё и которому ничто не мешало всё наблюдать.

Но, прожив семь лет в шкурке этого маленького зверька и обойдя часть Персии и Индии, я наконец погиб, как почти все мне подобные: меня застал врасплох и задушил кот.

Приключения имама Абзендеруда

В одно мгновение я оказался в Ормузе, в теле молодого человека по имени Абзендеруд²³, который благодаря глубокому изучению Корана стал имамом²⁴. Несмотря на этот сан, обязывавший меня к большей осмотрительности, я всегда был большим распутником. Но великий пророк посредством довольно необычного наказания вернул меня на правый путь.

В моём квартале жила молодая вдова совершенной красоты, которую сильно подозревали в любовных похождениях. Она умерла, подавившись костью, которую проглотила, слишком торопливо поедая пищу. Поскольку её дом относился к моей мечети, меня позвали совершить абдест²⁵. При виде такой красоты я испытал столь сильное волнение, что не удержался от крайне неосторожного восклицания:

— Ах, великий пророк! Как счастлив был бы я вкусить с этой прекрасной вдовой те наслаждения, которые ты назначаешь истинно верующим с гуриями²⁶!

Едва я произнёс эти слова, столь непристойные для моего сана и совершаемого обряда, госпожа, как рука моя, лежавшая на лице этой женщины, сделала невольное движение. Не знаю, как это произошло, но мой палец оказался у неё во рту, и её зубы стиснули его с такой силой, что я пронзительно закричал. Изумление моё было не меньше боли. Как я ни

старался, высвободить руку никак не мог. Напрасно молил я пророка простить мою дерзость: молитвы не были услышаны. Чтобы избежать скандала, я решился отрезать себе палец и исполнил это решение. Весь в крови я ушёл к себе, сделав вид, будто по неловкости нанёс себе эту несчастную рану; от неё я тяжело болел.

Столь странное наказание заставило меня одуматься и так привязало к обязанностям моего служения, что меня стали считать человеком, любимым великим пророком. Я столь ревностно предавался молитве, что, в какой бы час ни входили в мою мечеть, меня всегда заставляли за чтением Корана или в глубоком размышлении.

Мои добродетели вызвали зависть у других имамов. Они подослали молодую девушку, чтобы склонить меня оскверниться с нею. Я мужественно устоял перед соблазном и прогнал бесстыдницу с угрозами. Она так разгневалась из-за моего обращения, что решила отомстить. Она отдалась одному из тех имамов и, едва почувствовав себя беременной, довела бесстыдство до крайности: дерзнула обвинить меня в том, что я изнасиловал её в самой мечети, которой ведал.

Такое святотатство возмутило против меня народ. Мои собратья-имамы не щадили усилий, и благодаря их влиянию меня бросили в мрачайший подземный каземат, где я жестоко страдал до самых родов этой несчастной женщины. Когда наступил срок, кади велел привести меня к её изголовью. Он дождался мгновения, когда она испытывала сильнейшие

муки, и вновь выслушал её обвинение. Меня уже собирались предать смертной казни, и я погиб бы, если бы не обратился к тому самому пророку, который так сурово покарал меня за случай с вдовой.

Я взял на руки младенца, которого клеветница только что произвела на свет, и воскликнул:

— Могучий Магомет, истинный отец верующих, источник света и истины! Не допусти, чтобы ложь восторжествовала над моей невиновностью. Развяжи язык этого младенца, пусть он сам назовёт своего настоящего отца!

На эту горячую молитву, сопровождавшуюся слезами, — поверите ли вы, госпожа? — только что родившийся ребёнок ответил совершенно внятной речью. Он назвал имама, который был его отцом, объявил меня совершенно невиновным в святотатстве, в котором меня обвиняли, и объяснил, что его мать взялась погубить меня, отнять мою добрую славу и жизнь по наущению этого самого имама, присутствовавшего здесь, и двух его братьев.

После столь неопровержимого свидетельства мои враги скоро понесли возмездие. Клеветница и три имама, побеждённые силой истины, признались в преступлении. Их вывели за город и сожгли заживо. Мне вернули мечеть, и с тех пор весь Ормуз неизменно относился ко мне с величайшим почтением.

В благодарность младенцу, засвидетельствовавшему мою невиновность, я взял на себя заботу о его воспитании и дал

ему хорошую кормилицу. Этот мальчик, впоследствии унаследовавший моё служение, уже у материнской груди явил свою святость. Ещё в двух случаях он дал ясные доказательства того, что Магомет предназначал ему стать опорой своей религии.

Однажды кормилица держала его на руках и увидела проезжавшего персидского всадника: красивого, богато одетого, на добром коне. Довольно громко она произнесла:

— Дай Бог, чтобы мой мальчик когда-нибудь стал похож на этого великолепного господина!

Младенец тотчас оторвался от груди, пристально посмотрел на всадника и отчётливо произнёс:

— Не допусти, Господи, чтобы я когда-либо стал похож на этого человека, чья совесть — сточная канава беззакония!

Кормилица была несказанно поражена ответом. В это время мимо её двери провели человека, которого били плетью.

— Не допусти, великий Боже, чтобы подобное когда-нибудь случилось с моим сыном! — воскликнула она.

Но её питомец повернулся к ней и пожелал себе такой же участи.

— Научись никогда не судить по наружности, — сказал он. — Тот великолепный всадник, который сейчас проехал, — настоящий виновник преступления, за которое наказывают этого человека. Невинность дарует ему покой даже под пыткой. Среди оскорблений, которые он терпит, он непрестанно повторяет: «Я доволен; мне довольно Бога. Он воз-

даст мне за то, что я переносу». Своим терпением и покорностью Божьей воле этот человек приобрёл столь высокую заслугу, что я от всего сердца желаю когда-нибудь достичь её.

Поскольку доброму мусульманину надлежит хотя бы раз в жизни побывать в Медине и Мекке, а я никогда ещё не совершал этого путешествия, я получил у ормузского короля разрешение отправиться в путь. Я поручил свою мечеть и мальчика муэдзину²⁷. После многих трудов я достиг гробницы святого пророка и возблагодарил его за столь явное покровительство. Совершив на горе Арафат обычное жертвоприношение²⁸, я пустился обратно в Ормуз.

Я прибыл так поздно, что городские ворота уже закрылись и мне пришлось остаться в предместье. Не зная, где остановиться, я попросил приюта у человека, которого увидел у дверей довольно красивого дома. Он любезно пригласил меня войти, провёл в опрятную комнату и предложил ужин. За наш стол он велел сесть женщине лет сорока, весьма приятной в обращении. Мы весело провели вечер; затем меня отвели в спальню и оставили одного. Я запер за собой дверь и лёг.

Несколько часов я наслаждался спокойным сном, когда вдруг проснулся от толчка: страшный призрак потянул меня за руку.

Примечания автора

23. По-персидски это имя означает «река живой воды».

24. Имам — своего рода приходской священник.

25. Абдест, или омовение тела, — один из важнейших обрядов религии Магомета. Его последователи не только очищают таким образом тело, но воображают, что тем самым очищают душу от всякой скверны. Тот, кто стал бы молиться, не исполнив этой обязанности, считался бы отвратительным грешником. Мусульманки соблюдают её столь точно, что бельё, которое они снимают, бывает так же чисто, как свежее бельё, надеваемое многими женщинами других народов. Этот обычай соблюдается не только при жизни, но и после смерти: имамы и их муэдзины, то есть своего рода викарии, заботятся об омовении мёртвых тел.

26. Это девы, которых Магомет обещает добрым мусульманам в своём раю.

27. Муэдзин — своего рода викарий.

28. Эта гора находится совсем близко от Мекки. Мусульмане обыкновенно совершают там курбан, то есть приносят в жертву барана. Они утверждают, что Адам и Ева после изгнания из рая были разлучены на сто двадцать лет для покаяния. Наконец, разыскивая друг друга, они узнали один другого и соединились на вершине этой горы, которая поэтому получила название от арабского слова, означающего «узна-

вать».

Пятый вечер

Продолжение и окончание приключений имама Абзендеруда

Волосы мои встали дыбом от ужаса, когда при лунном свете я отчётливо увидел совершенно нагого человека, пронзённого более чем тридцатью ударами кинжала. Кровь струилась из всех его ран.

— Не бойся, мудрый Абзендеруд, — сказал он мне. — Я не могу причинить тебе зла; напротив, ты нужен мне, чтобы за меня отомстили. Только выслушай внимательно. Не так давно я был хозяином этого дома. Я готовился уехать в Исфахан, когда моя жена, с которой ты вчера ужинал, воспользовалась случаем, чтобы убить меня с помощью моего брата: она состояла с ним в преступной связи. В этой самой комнате они вдвоём закололи меня, затем отнесли в колодец в маленьком саду при доме и сами засыпали его. Такое преступление не должно остаться безнаказанным. Как только выйдешь из этого дома, отправляйся к кади²⁹ и сообщи ему то, что сейчас узнал. Пусть он покарает виновников моей смерти и предаст моё тело погребению, которого достоин каждый мусульманин, в точности соблюдавший закон Магомета.

Можете судить, госпожа, как провёл я остаток ночи после исчезновения призрака. Едва занялся день, я поспешно вышел из дома, не простившись с хозяевами, и побежал к кади. Я рассказал ему о случившемся. Не знай он уже главных событий моей жизни, ему нелегко было бы поверить моим словам. Но он немедленно отправился со своими хазами³⁰ в этот дом и велел раскопать засыпанный колодец. Едва обнаружались несомненные доказательства убийства, как женщина и её сообщник признались в преступлении и были преданы смерти.

Тело похоронили. Я присутствовал при печальном обряде и усердно молился об упокоении души умершего. Затем вернулся домой. Едва я заснул той же ночью, как призрак вновь явился мне, но в совершенно ином виде, чем в первый раз.

— Я доволен тобой, — сказал он. — Твоё милосердное рвение доставило мне погребение. Я благодарю тебя и хочу вознаградить твои заботы. Попроси у меня того, что доставило бы тебе наибольшую радость: великий пророк обещал даровать мне это ради тебя.

Я некоторое время размышлял. Совершенно отрешившись от мира, я не желал ни богатства, ни высоких санов, ни почестей.

— Я хотел бы, — сказал я призраку, — узнать час своей смерти за восемь дней до неё. Тогда я мог бы, как добрый мусульманин, подготовиться без страха предстать перед верховным Судией наших добрых и злых дел, когда придёт

время держать перед Ним ответ.

— Ты получишь это, — ответил призрак. — Я сам приду предупредить тебя. Продолжай неуклонно следовать закону великого пророка, совершать пять молитв, предписанных Кораном, и не пренебрегай омовением, которое Магомет так настойчиво заповедал. Тогда ты увидишь приближение страшного дня без боязни.

Проснувшись, я рассказал о втором явлении четырём или пяти друзьям. Они только посмеялись и не пожелали поверить ни единому слову. Я же был убеждён, что это не плод разгорячённого воображения, и посвятил себя добрым делам и заботливому воспитанию ребёнка, которого взял на попечение.

Прошло двадцать лет. Всё это время юноша неизменно шёл путём совершенства. Я сделал его своим муэдзином и имел все основания быть довольным его благодарностью.

Однажды ко мне пришли пять или шесть друзей, и я удержал их обедать. Мы весьма приятно провели день. К ночи разразилась сильная гроза, и я оставил их на ужин и ночлег. Трапеза уже подходила к концу, когда я услышал стук в дверь. Я побежал со светильником посмотреть, кто пришёл ко мне в столь неурочный час. Каково же было моё изумление, когда я узнал человека, уже дважды являвшегося мне!

— Я держу слово, добродетельный имам, — сказал он, — и пришёл возвестить, что через восемь дней тебя уже не будет среди живых.

Едва я услышал этот ошеломляющий приговор, как всё тело моё охватила страшная дрожь. Я вернулся в комнату таким испуганным, что встревожил всех друзей, и объяснил им причину. Хотя двоим из них я ещё около двадцати лет назад рассказывал о своих приключениях, теперь все они называли меня мечтателем, которому мерещатся видения, и сказали, что пост рамадана³¹ и чрезмерная суровость моей жизни повредили мне рассудок. Напрасно я напоминал им историю покойника, его убийство и явления: они упорствовали в своём неверии.

Но я, убеждённый в правдивости предсказания, предался смертельной печали. Я не сожалел о том, что покидаю жизнь; меня страшило, что я недостаточно чист, чтобы предстать перед верховным Творцом всего сущего. Тогда я пожалел о своём желании. Однако я стал со всей серьёзностью готовиться к великому переходу и, чем ближе подходил назначенный час, тем спокойнее становилась моя душа.

Мой воспитанник заливался слезами. Видя, что я здоров как никогда, он старался убедить себя, что час нашей разлуки ещё не так близок.

Наконец роковой день настал. Все те же друзья пришли ко мне и заставили меня за чтением божественной книги, которую ангел Господень продиктовал верховному пророку. Они не смогли удержать слёз. День прошёл без всякого происшествия. Наступила ночь; я ещё жил и уже сам начинал думать, что призрак меня обманул. Но когда я захотел пересечь двор

по одной надобности, несколько столбов, образывавших подобие галереи в верхней части дома, оторвались и упали мне на голову. На шум моего падения сбегались друзья и нашли меня истекающим кровью и умирающим. Теперь они более чем убедились в правдивости предсказания призрака.

* * *

— Довольно необыкновенные события, — сказала китайская королева. — Они доставили мне тем больше удовольствия, что несколько противоречат вашему учению о переселении душ. Но я не хочу останавливать вас из-за такого пустяка. Продолжайте, мудрый Фум-Хоам, и расскажите, что стало с вами дальше.

Мандарин покраснел от этого лёгкого упрёка и продолжил.

История прекрасной Аль-Раульф

— Я пересёк моря, госпожа, и оказался в Визапуре³², в семье богатого индийского купца, чью единственную дочь одушевлял. За восемь лет, прошедших с моего рождения, мать так и не имела других детей. Отец, желая отомстить судьбе, отказавшей ему в сыне, принялся наделять меня всеми совершенствами, которые способны не только отличить женщину от других представительниц её пола, но и сделать совершенным мужчиной.

У меня были все способности, необходимые для изучения даже самых отвлечённых наук; ловкостью я не уступала собственной красоте и стройности. Поэтому мне дали учителей, способных развить и мой ум, и тело. Я так преуспела во всех занятиях, что скоро стала предметом разговоров всего Визапура.

Мне едва исполнилось шестнадцать. Я достигла возраста, когда грации осыпают человека всеми своими прелестями, и не было молодого знатного индийца, который не прилагал бы всех стараний, чтобы получить меня в жёны. Но по какой-то непонятной жестокой прихоти мой отец отверг их сватовство и решил выдать меня за чрезвычайно старого визиря. Тот, за кого я вышла, скорее мог сойти за моего прапрадеда, чем за супруга; он скоро отнял у моих поклонников всякую надежду.

Науки, которыми я владела в совершенстве, дали мне случай прочесть множество нежных и любовных сочинений. Но страсти ещё не пробуждались во мне, и это чтение никогда меня не волновало. Любовь, оскорблённая моей простодушной неопытностью, восстала всеми моими чувствами против меня самой, едва увидела меня в объятиях старого супруга. Непрестанные размышления заставили меня понять, отчего столько влюблённых проливают слёзы о своих возлюбленных и что высшее счастье состоит в том, чтобы любить и быть любимой.

Так, ведомая природой, любовью и разговорами подруг, знавших, какой ужас внушал мне старый визирь, я воспламенилась сильной страстью, ещё не зная того, кем желало обладать моё сердце.

У мужа была овдовевшая сестра, почти ровесница ему. Она отличалась большим умом и уже больше двадцати лет собирала у себя общество самых учёных людей Визапура. Она уговорила брата позволить мне бывать на этих собраниях. Он предоставил мне эту свободу. Едва меня представили обществу, как на меня посыпались похвалы за несколько сочинений, прочитанных мною вслух. Но больше всех тронули меня похвалы молодого индийского вельможи по имени Дауд.

Примечания автора

- 29. Судья по гражданским и уголовным делам, ведающий также полицией.
- 30. Стражники.
- 31. Это мусульманский Великий пост.
- 32. Царский город и столица Деканского королевства на полуострове «между Гангом».

Шестой вечер

Продолжение и окончание истории прекрасной Аль-Раульф

Наши взгляды встречались так часто и с такой неотступностью, что вскоре мы испытали все волнения сильной страсти. Дауд под вымышленными именами воспевал наши чувства в изящных стихах и нежных, страстных песнях, пленяя слух всех членов нашего учёного общества. Ему нетрудно было заметить, что и мои сочинения постепенно становятся всё нежнее. Он часто слышал от меня загадочные речи, смысл которых, как ему казалось, был понятен только ему. Наконец он решился написать мне и в записке объяснил всю любовь, которую ко мне питал.

Чтение этого письма доставило мне величайшую радость. Я ответила, и с тех пор мы постоянно переписывались. Больше месяца продолжался этот обмен письмами, к полному нашему удовольствию, когда записка, которую я отправила Дауду, по небрежности посыльного несчастным образом попала в руки моего старого мужа. Он вообразил, что я уже нарушила супружеский долг, и показал письмо моему отцу.

Ах, госпожа, — продолжал Фум-Хоам, — сколько жесто-

кости обнаружил я в этих двух стариках! Сначала они задумали пронзить меня тысячью ударов кинжала. Но оба хотели спасти свою репутацию, которой я, как им казалось, нанесла смертельный удар, и потому придумали довольно необычное средство.

Прямо над тем местом, где я обычно причёсывалась, находился мраморный бюст одного из первых наших царей. Он стоял на карнизе и был укреплён железным стержнем, проходившим сквозь стену в пустую комнату. Они устроили крепление так, чтобы, ослабив винт в гайке, можно было обрушить бюст на меня. Прodelав в стене отверстие, они стали за мной наблюдать и выбрали мгновение, когда я поправляла причёску. По их воле бюст сорвался так стремительно, что раздавил меня прежде, чем я успела увидеть его падение. Так меня наказали за преступление, которого я не совершала.

* * *

— Как мне жаль эту несчастную индианку! — сказала Гюльшенраз. — Какого порицания достойны отцы, бесчестящие себя столь неравными браками!

— Верно, госпожа, — продолжал Фум-Хоам, — в этом и был источник моих бедствий. Но науки, которым отец велел меня обучать, тоже немало им способствовали. На собственном опыте я слишком хорошо узнал, что забота о порядке в семье должна составлять единственное занятие добродетели.

тельной женщины. Почти чудом было бы, если бы та, которая желает превзойти свой пол и посвятить себя учению, не пренебрегла обязанностями под влиянием гордыни или какой-нибудь другой, ещё более опасной страсти.

История Йездад

Покинув тело этой несчастной жертвы алчности и корысти, я в одно мгновение перенёсся в деревню возле Иолка³³, которую природа щедро наделила всеми своими дарами. Воздух там был чист и целебен. Прозрачные, словно хрусталь, воды сбегали с вершины горы Петрас и тысячью прохладных ручьёв орошали необыкновенно прекрасные растения. Там паслись всевозможные стада, а в недрах этой земли скрывались золотые и серебряные рудники, которых ещё не заставила разрабатывать человеческая жадность.

Богатый пастух из этой деревни жил на прелестном склоне, где выстроил очень удобный дом. Я родилась от этого пастуха и его жены; меня называли Йездад. Судьба, не жалевавшая для меня милостей, дала мне облик самой прекрасной девушки, какую когда-либо видели в Греции.

Мои подружки проводили целые дни у прозрачных источников или в тёмных лесах, преследуя быстрых ланей. Однажды я, подражая им, бежала по нашим лесам, опережая свою борзую, когда передо мной появился пастух ужасной наружности. Страх словно окрылил меня: я бросилась бежать изо всех сил. Но это подобие чудовища преследовало меня с необыкновенной быстротой. Перестав надеяться на резвость своих ног, я обернулась и метнула в него дротик. Рука моя была нетверда, и я промахнулась. Грубиян настиг

меня и, несомненно, соби́рался отомстить за моё презрение ценой моей чести, когда на мои крики прискакал весьма привлекательный всадник и одним ударом сабли раскрыл ему голову.

Я была так потрясена, когда освободитель приблизился ко мне, что у меня не нашлось сил даже поблагодарить его. Не было сил и противиться его желаниям. Он напал на меня менее грубо, чем дерзкий пастух, которого только что лишил жизни, но оказался не менее смелым в своём намерении и достиг той же цели другим путём. Едва я пришла в себя, как, подавленная жесточайшим горем, стала осыпать его горькими упрёками за совершённое. Слёзы и всё более громкие крики не дали ему времени оправдаться в своём порыве. Он испугался, что они привлекут людей к месту, где мы находились, вскочил на коня и умчался как молния.

Напрасно я рвала на себе волосы и терзала лицо. Отчаяние не облегчало моей боли; оно всё усиливалось, когда я поняла, что ношу в своём чреве несомненные следы несчастья.

В Иолке каждый год устраивали праздник, призванный побудить молодых пастушек из окрестностей остерегаться любовных неожиданностей. Праздник начинался с очищения: все купались в небольшой реке, бравшей начало в горах. Какие бы предлоги я ни приводила, чтобы не участвовать, уклониться мне не удалось. Подруги заставили меня последовать их примеру. Мы вместе пришли на берег и разделись в шатре, поставленном для этой цели. Покров, брошенный на тело, казалось мне, недостаточно скрывал мою беду. Надеясь укрыть её лучше, я поспешно погрузилась в воду по самую шею. Но едва я ощутила её холод, госпожа, как несчастный плод дерзости этого всадника так сильно содрогнулся во

мне, что я без чувств упала в объятия подруг.

На моём лице появились все признаки умирающего человека, и меня решили отнести к матери. До той минуты никто ещё не замечал моего падения: простодушные девушек не позволяло им заподозрить, в каком я состоянии. Но едва мать взглянула на меня, как, крайне неосторожно вскрикнув, воскликнула:

— Ах, несчастная! Лучше бы боги дали тебе умереть в самый миг рождения! Разве вы не видите причины её обморока?

В эту минуту подруги прозрели. Они более чем убедились в моём проступке. Стыдливость заставила их одну за другой удалиться, и они повсюду разнесли весть о случившемся со мной несчастье.

По законам Иолка смерть моя была предрешена: подобное бесчестие смывалось лишь собственной кровью, если только виновник не являлся, чтобы жениться на той, кого обесчестил. Поэтому, едва очнувшись, я прочла свой смертный приговор на лицах всех присутствующих.

Примечания автора

33. Иолк — древний город в Магнесии, области Фессалии. Ныне это лишь деревня под названием Яко у подножия горы Пелион, или Петрас. В этом городе родился Ясон; отсюда он отправился с аргонавтами за золотым руном.

Седьмой вечер

Продолжение и окончание истории Йездад

Горе от моего положения, позор, падавший на семью, и страх казни вызвали у меня выкидыш. После него уже не медлили отвести меня в то самое место, где я, жертва грубой страсти мужчин, должна была встретить верную смерть. Отчаяние моего отца усиливалось тем, что по тому же обычаю, установленному в Иолке, он должен был сам оборвать несчастную жизнь, которую дал мне под гневным взором звёзд.

Я от всего сердца взывала к небу, умоляла обнаружить мою невиновность и показать, что проступок мой был невольным. Я призывала в свидетели деревья, под которыми по несчастью оказалась с дерзким всадником. Казалось, боги глухи к моему голосу. Я уже подставляла горло ножу, который отец держал дрожащей рукой, когда принц Кулуф, сын последнего иолкского короля, не более месяца назад взошедший на престол, остановил его руку.

— Пастух, — сказал он, — удержите свой гнев. Не подчиняйтесь слишком жестокому закону, который я с этой ми-

нуты отменяю. Эта прекрасная девушка невиновна. Небо не желает угнетения невинных и посылает меня сюда спасти её жизнь. Поскольку именно я лишил её чести под этими деревьями, справедливость требует, чтобы я загладил вину, женившись на ней. Отныне смотрите на неё как на вашу королеву и воздайте должное добродетели прекрасной Йездед.

Можете представить, какое действие произвели слова иолкского короля на всех пастухов и пастушек. В одно мгновение лес огласился тысячью радостных криков. Непрестанно повторялись имена Кулуфа и Йездед. Монарх подозвал стражу, находившуюся неподалёку от места, назначенного для моей казни, обнял меня, посадил в свою колесницу вместе с отцом и матерью и велел отвезти нас во дворец. Там я вышла за него замуж со всей торжественностью, подобавшей его сану.

Признаюсь вам, госпожа: блеск престола, на который я только что вознеслась, тронул меня меньше, чем моё оправдание. Я не ослепилась тем, что оказалась выше своих подруг, и не забыла о своём происхождении. Помогать несчастным было для меня величайшей радостью. Не проходило ни дня, не отмеченного каким-нибудь благодеянием народу. За это супруг нежно любил меня, а подданные, можно сказать, боготворили. Потому и оплакивали они меня обильными слезами, когда через семь лет я умерла, не оставив потомства.

История Хушенга и Гюльбазы

Покинув тело Йездад, я перешёл в тело младенца, которого красильщик из предместья Шираза³⁴ нашёл в сундуке чёрного дерева. Красильщик мыл ткани в реке Баудемир, и течение прибило сундук прямо к нему. Сломав замок, он с удивлением увидел внутри мальчика, завёрнутого в богатые пелёнки, украшенные несколькими драгоценными камнями. Они заставили его предположить, что ребёнок знатного происхождения. Я протягивал к нему маленькие руки, словно умоляя о помощи и прося сохранить мне жизнь. Его тронуло моё бедственное положение. Он принёс меня домой и положил на руки своей жене, которая стала делить молоко между мной и собственной грудной дочерью.

Едва достигнув отрочества, я понял, что не чувствую никакой склонности к ремеслу человека, которого считал отцом. Всё своё время я проводил на охоте и, возвращаясь вечером домой, всегда приносил больше дичи, чем требовалось для пропитания всей семьи.

Мою молочную сестру звали Гюльбазой, а меня красильщик назвал Хушенгом. Считая Гюльбазу своей сестрой, я смотрел на неё лишь с почтением; однако находил в ней столько красоты, что не мог видеть её без сильнейшего волнения. Однажды вечером я положил к её ногам молодого оленя, подарив ей свою добычу, и нежно обнял её.

— Хушенг, — сказала она, — небо свидетель, как чисто я вас люблю и как дорожу вашей жизнью. Каждый день вы стоите мне слёз; я содрогаюсь при мысли, что вы нападаете на диких зверей. Всё время боюсь, что вас принесут домой залитым кровью. Во имя самой глубокой нежности, дорогой брат, оставьте это жестокое занятие и почаще оставайтесь дома.

— Ах, прекрасная Гюльбаза! — воскликнул я. — Не принуждайте меня к низкому ремеслу, к которому я питаю крайнее отвращение. Я никогда не стану красильщиком; мне достаточно лука и стрел. Я уже тысячу раз покинул бы отцовский дом, чтобы вступить в войско нашей королевы, если бы тайное очарование не удерживало меня здесь. Вы моя сестра, обожаемая Гюльбаза, и я не могу без преступления переступить с вами пределы самой тесной дружбы. Но чего бы я не отдал, чтобы страсть, которую чувствую к вам, могла стать законной! Да, клянусь Магометом: будь в моей власти престол всего мира, я возложил бы его корону вам на голову, даже если бы вы принадлежали к ещё более низкому сословию.

— Увы, дорогой брат! — ответила Гюльбаза, заливаясь слезами. — Как ваши чувства сходны с моими! Тысячу раз я желала, чтобы нас не связывали узы крови. Несмотря на это непреодолимое препятствие, я с каждой минутой чувствую, как возрастает моя нежность к вам. Часто я даже упрекаю себя за ласки, которыми вас одариваю: они тревожат мою стыдливость. Я боюсь самой тени преступления больше, чем смерти.

— Зачем же вы удерживаете меня здесь? — ответил я с необыкновенным волнением. — Хотите, чтобы мы непрестанно подвергали опасности нашу слабую добродетель? Прощайте, Гюльбаза. Я навсегда убегу от прелестей, столь опасных, как ваши. Вот последний поцелуй, который вы получите от своего Хушенга.

Я исполнил это решение, госпожа, — продолжал Фум-Хо-ам, — хотя оно и стоило нам многих слёз. На рассвете я вышел из дому и явился к одному из визирей персидской королевы. Не желая открывать ему, что я сын красильщика, я сказал, будто не знаю имени своего отца, но, если судить по благородству собственного сердца, надеюсь совершить столь славные дела, что сама королева не постыдилась бы признать меня своим сыном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.